

УДК 343.341

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация: в статье автором рассматривается статья 210.1 УК РФ, введенная в 2019 году и предусматривающая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Анализируется ряд пробелов, имеющих в данной статье, в том числе в определении субъекта данного состава преступления, предлагаются варианты решения данных пробелов.

Ключевые слова: преступная иерархия, занятие высшего положения в преступной иерархии, преступное сообщество, организованная преступность, уголовная ответственность.

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation: in the article, the author examines Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced in 2019 and providing for criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy. A number of gaps present in this article are analyzed, including in the definition of the subject of a given crime, and options for solving these gaps are proposed.

Key words: criminal hierarchy, occupation of the highest position in the criminal hierarchy, criminal community, organized crime, criminal liability.

Федеральным законом от 01.04.2019 N 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 210.1, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако термин «занятие высшего положения в преступной иерархии» появился в УК РФ несколько раньше, когда Федеральным законом от 03.11.2009 N 245-ФЗ статья 210 УК РФ была дополнена частью 4, предусматривающей уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Как отмечают И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, практического применения ч. 4 ст. 210 УК РФ не нашла из-за невозможности установления связи лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, с конкретными преступлениями, совершаемыми преступными сообществами (организациями), а также непосредственного их участия в создании таких сообществ и управлении ими или какой-либо причастности к их деятельности, чего требует указанная норма [1, с. 160-161].

Появление статьи 210.1 в УК РФ можно объяснить повышенной общественной опасностью лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также тем, что к уголовной ответственности чаще всего привлекаются участники преступных сообществ (преступных организаций) и исполнители преступлений, в то время как фактические руководители остаются в тени.

П.В. Агапов, Н.В. Сальников и С.В. Кондратюк отмечают, что общественная опасность лиц, обладающих статусом лидеров в преступной иерархии, заключается в оказании ими значительного криминального влияния как в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной

среде. Благодаря непререкаемому авторитету в преступном мире криминальные лидеры продуцируют, регулируют и направляют организованную преступную деятельность, осуществляют контроль и распределение незаконных доходов, обеспечивают устойчивость преступных традиций и обычаев криминальной среды, чем оказывают существенное негативное влияние на общественные институты [2, с. 50-51].

В итоге данных изменений в УК РФ появился новый специальный субъект, правовой статус которого до сих пор четко не определен, поскольку признаки данного субъекта носят ярко выраженный оценочный характер.

Несмотря на разъяснение, содержащееся в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» и касающееся ч. 4 ст. 210 УК РФ, до сих пор остается неясным ответ на вопрос, что понимать под такими понятиями, как «занятие», «высшее положение» и «преступная иерархия».

Часть исследователей, в частности В.И. Гладких, считает, что является, как минимум, незаконным наказывать человека за обладание статусом авторитета преступного мира, особенно с учетом того, что такой статус не имеет законодательного закрепления. Кроме того, в указанном составе отсутствует такой обязательный признак объективной стороны, как общественно опасное деяние. В результате привлечение к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит требованиям статьи 8 УК РФ, согласно которым основанием уголовной ответственности выступает наличие в содеянном всех признаков состава преступления [3, с. 55].

Однако некоторые исследователи подчеркивают, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии следует рассматривать в совершении действий, направленных на приобретение лицом в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды высшего

положения в преступном мире и получение в связи с этим статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий [2, с. 52].

Кроме того, в вышеуказанном нами постановлении Пленума Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что судам необходимо устанавливать, в чем конкретно выразились действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве лица в преступном сообществе (преступной организации).

Таким образом, мы считаем, что в данном случае не происходит привлечение к уголовной ответственности за обладание определенным статусом, занятие лицом высшего положения в преступной иерархии выражается именно в совершении определенных действий, в выполнении определенных функций в уголовно-преступной среде.

В процессе анализа судебной практики нами были выделены некоторые из функций, которые могут выполнять лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии. К ним относятся, например:

- организация, распределение и контроль фонда взаимопомощи в среде преступного сообщества – преступной кассы, так называемого «общака»;
- решение конфликтных, спорных ситуаций между лицами из гражданского населения и уголовно-преступной среды, также между различными субъектами преступной иерархии;
- осуществление покровительства лицам, намеревающимся совершить преступление либо совершившим преступление с целью предотвращения конфликта интересов между субъектами преступной иерархии и другими лицами из преступной среды, не входящими в преступную иерархию;
- применение к лицам, нарушившим сложившиеся правила и традиции в криминальной среде, мер дисциплинарной ответственности, принятых в

указанной среде, в том числе, связанных с понижением занимаемого данным лицом статуса в преступной иерархии;

- организация и личное принятие участия в собраниях лиц, осуществляющих преступную деятельность с целью разделения сфер влияния и разрешения конфликтов;

- соблюдение и пропаганда «воровских» и преступных традиций;

- назначение других лиц на нижестоящие уровни преступной иерархии с целью обеспечения эффективности управления криминальной средой подконтрольной территории и многие другие.

По нашему мнению, следует изменить диспозицию в статье 210.1 УК РФ, указав на то, что занятие высшего положения в преступной иерархии выражается в выполнении определенных функций, раскрыть которые можно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Также правоприменитель может столкнуться с проблемой, какие «криминальные должности» можно относить к высшему положению в преступном мире: «вор в законе», «авторитет», «положенец», «смотрящий» или др. Мы считаем, что в правовых нормах не следует использовать воровские понятия. В этом случае нельзя не согласиться с Ю.В. Голиком, который отмечает, что переходить на воровские понятия по ряду причин невозможно и «оскорбительно для всего общества и народа нашей страны» [4, с. 187]. На наш взгляд, решить данную проблему возможно указанием в законе или акте толкования на конкретные функции, которые может выполнять лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Соответственно, правоприменитель, исходя хотя бы из примерного перечня закрепленных функций, будет решать, лица на каких «криминальных должностях» будут подлежать уголовной ответственности.

Кроме того, не совсем ясно, что стоит понимать под преступной иерархией. Так, А.Е. Шалагин под преступной иерархией понимает систему подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в

криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры) [5, с. 36].

Некоторые исследователи преступную иерархию сравнивают с тюремной иерархией. Однако по содержанию преступная иерархия шире тюремной, поскольку регулирует поведение членов преступного сообщества и вне мест лишения свободы. Преступную иерархию целесообразно рассматривать вне тюремного контингента, как определенную часть всего криминализированного социума [6, с. 28-31].

Таким образом, нельзя не отметить, что в статье 210.1 УК РФ имеется ряд существенных пробелов, в том числе в определении субъекта данного состава преступления, поскольку он определен через оценочные категории. Как мы уже отмечали ранее, необходимо изменить диспозицию данной статьи, указав на то, что занятие высшего положения в преступной иерархии выражается в выполнении определенных функций в уголовно-правовой среде. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ в качестве примера функций, которые могут выполнять лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, можно закрепить некоторые из функций, выделенных нами по итогу анализа судебной практики, при этом оставив этот перечень открытым. Также остальные пробелы можно разрешить путем закрепления четких разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы:

1. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73. – № 10. – С. 159-170.

2. Агапов П. В., Сальников Н. В., Кондратюк С. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в

преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55.

3. Гладких, В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. – 2019. – № 5. – С. 52-56.

4. Голик, Ю. В. "Вор в законе", Или закон "по понятиям" (Уголовный кодекс не должен переходить на язык уголовников) // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 4. – С. 187-188.

5. Шалагин, А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(26). – С. 36-39.

6. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28–31.